

О ПРИРОДЕ ЦВЕТОВОГО СИНКРЕТИЗМА В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Э.Т. Гутиева

В осетинском языке отмечен хроматический синкретизм означающего холодные цвета спектра прилагательного цъæх, в современном языке данное синкретичное слово лексикографируется как «зеленый», «синий», «голубой», «серый», «сизый». Накопленный эмпирический материал и теоретические обобщения, сделанные на основании анализа данных большинства известных языков мира, могут дать новый импульс для рассмотрения процессов развития лексико-семантической группы слов цветовосприятия в осетинском языке, метод этимологической экстраполяции может позволить проследить наиболее вероятный сценарий развития осетинской лексемы цъæх. Традиционно прилагательное цъæх считается кавказским вкладом в лексическую систему осетинского языка, на основании смычно-гортанного качества инициального согласного корня, а также нескольких параллелей, но не системного характера из языков соседних народов. Допущение о том, что на каком-то этапе цъæх, став колоронимом, наращивает свою семантику за счет присвоения значений уже существовавших в языке обозначений основных цветов и вытесняет последние из системы, наталкивается на определенные сложности, т.к. противоречит установленным схемам языкового развития и тенденциям к эволюционной детализации цветовой палитры языка. Отсутствие описанных в литературе прецедентов превращения заимствования в синкретичную хроматическую лексему в принимающем языке, а также некоторые параллели в родственных иранских языках позволяют по-другому ретроспектировать данное слово и считать его автохтонной единицей. В таком случае присущий ему синкретизм следует считать реликтом древнего хроматического синкретизма, который может быть возведен к скифо-сарматскому периоду. Для колоронима с достаточно широким цветовым значением и при отсутствии системных прямых параллелей в других иранских языках поиск этимона объективно труден.

Ключевые слова: осетинский язык, заимствование, этимология, хроматический синкретизм, лексико-семантическая группа.

Системе цветообозначений в осетиноведении уделяется большое внимание, применяются различные подходы для исследования семантики и этимологического развития колоронимов, для поиска их когнатов в индоевропейских и в кавказских языках и при сравнительно-историческом

анализе, при определении функционирования колоронимов в паремиологии осетинского языка, для изучения символики и коннотации цвета в фольклоре и в нартовском эпосе.

Признаваемая и общепризнанная сложность процессов развития лексико-семантической группы цветообозначений вообще, в осетинском языке усугубляется запутанностью семантического развития и этимологической судьбы колоронима *цъæх*. В современном языке данное синкретичное слово лексикографируется как «зеленый», «синий», «голубой», «серый», «сизый» [1].

Представление о семном составе осетинского прилагательного дают его валентностные связи. В качестве колоронима *цъæх* может атрибутировать: дерн, траву, туман, облака, небо, море, пламя, волка, осла, ворона, войлок, сталь, камень, скалы, пепел [1]. Во всех перечисленных случаях *цъæх* служит прямой номинацией цвета, несмотря на столь различающиеся цветовые характеристики денотатов.

При переводе с языков с дискретной системой цветообозначений проблем передачи цветовых значений и оттеночных нюансов не возникает, ввиду наличия в осетинском языке целого ряда монохромных композитных «отпредметных» колоронимов с соответствующим значением. Проблему может представлять перевод с осетинского собственно лексики *цъæх*, так как не всегда возможно однозначно определить, какая из ее хроматических сем актуализируется в том или ином контексте.

Главный вопрос, который встает при анализе семантической структуры *цъæх*, является ли подобная колексификация результатом многочисленных последовательных семантических сдвигов и лексических потерь, либо языковой фоссилизацией онтологического цветовосприятия и недискретности цветообозначения в протоосетинском. Так, после описания синкретизма прилагательного *цъæх* обычной является ссылка на некоторые другие языки с подобной категоризацией цветов «холодного» спектра.

В процессе языковой эволюции наблюдается распад синкретичных хроматических комплексов, однако и на современном этапе подобное явление встречается достаточно часто. Действительно, колексификация представляется более типичной для древних периодов развития языков, так, в древних иранских и индийских текстах часто взаимозаменяемыми оказываются слова со значениями «черный», «зеленый» и «синий» [2, 464]. Возможно, подобную стадию в том или ином виде прошли все языки.

Представление о распространенности явления колексификации основных цветов «холодного» спектра в современном мире дают статистические данные Кэйя-Маффи (Kay-Muffy), согласно которым она отмечена, по крайней мере, в 68 (в большей части) исследованных ими языках (в осетинском, в том числе) [3]. В семантике цветоименований встречается также колексификация следующих цветов: черный/зеленый/синий,

белый/красный/желтый, черный/синий, красный/желтый, желтый/зеленый/синий и желтый/зеленый [4, 33]. Однако наиболее регулярно совмещенными в одном семантическом объеме колоронима оказываются именно зеленый и синий цвета. Терминологической реакцией на данный стимул лексической контаминации явились нововведения Н.Гудмэна (*portmanteau words*) 'grue' и 'bleen'green-or-blue.

Сама идея об эволюционной взаимообусловленности и детерминированной последовательности возникновения колоронимов в языке восходит к наблюдениям именно за представленностью именно данных цветообозначений. Возможно, первым заметил и показал этимологическую связь между синим и темными цветами, а также зеленым Л.Гейгер (L.Geiger) в своих исследованиях второй половины XIX века [5, 135; 6, 43]. Спустя почти столетие появилась основополагающая работа Б.Берлина и П.Кэя [5], в которой авторы выдвинули и обосновали положения об определенных закономерностях, согласно которым цветовые категории добавляются в систему цветообозначений. В свою очередь, этот труд послужил стимулом для комплексных и частных исследований, уточнения отдельных положений, привлечения максимально возможного корпуса языков, в том числе и бесписьменных, для верификации установленных универсалий развития слов цветообозначения, создания «Всемирного Цветового Опроса» (WorldColorSurvey) П.Кэя и Р.Кука.

Главный вывод, который напрашивается в рамках теории лингвистической относительности, что нет языков с эталонным цветообозначением и нет оснований для лингвистической дискриминации и для рассуждений о более или менее развитых языках. «Сложные» для одной лингвокультуры наименования могут являться базовыми в другой. Так, например, очерчивая материал исследования русских колоронимов, Е.А.Кожемякова исключает «сложные цветообозначения {серо-голубой, медно-красный, черно-бурый и т.д.}, которые составляют периферию ЛСГ» в русском языке [7, 3]. В то время как для ряда языков уточнения и композиты часто нужны именно для передачи основных цветов спектра.

Для нашего обсуждения важно, что основные положения теории, определяющие порядок появления колоронимов, подвергшись определенной корректировке, были, в целом, подтверждены последующими исследованиями.

В связи с тем, что восприятие цвета носит «ярко выраженный национальный характер, который определяется историей, бытом, спецификой восприятия окружающей действительности, природной и культурной среды, психологией, эстетическими представлениями и нравами этноса» [8], нельзя исключать возможности уникальности и беспрецедентного хода развития каждого отдельного языка. Однако применительно к осетинскому языку, недостаточно собственно языковых данных, чтобы декларировать особенность развития группы хроматических означающих и

тем более аргументировать подобное положение. На наш взгляд, более обоснованно полагать, что последовательность развития осетинской системы цветообозначений согласуется с уже выявленными алгоритмами универсального характера, и попытаться экстраполировать на нее выводы, полученные на основании широкомасштабного изучения известных языков мира.

В соответствии с теорией Б.Берлина и П.Кая об основных цветовых терминах, их универсальности и эволюции, первым из цветов холодного спектра должен был выделиться зеленый цвет. Определение стадии его появления зависит от хода развития системы после выделения красного на втором этапе: на следующем этапе должен появляться либо желтый, либо зеленый цвет. (Примером может служить авестийский колороним *zairi*- «желтый, зеленый, золотой» (с комбинированной идеей цвета) [2, 464]. А иллюстрацией переходной или промежуточной стадии от второго к третьему этапу может служить когнат этого же корня *zar*- на основании анализа иранских и, главным образом, хотаносакского языка. Интерес представляют наблюдения Г.Бейли о семантике данного корня, т.к. он добавляет в его цветовую палитру к «желтому» и «зеленому» также «красный, красноватый, оранжево-красный» [2, 465].)

Следовательно, языковой знак для зеленого цвета возникает не раньше третьей и не позже четвертой стадии развития лексико-семантической группы цветообозначений. Колороним со значением синего цвета в системе регулярно ожидается шестым, а цветообозначение серого возможно в языке, в котором уже фиксируется более восьми колоронимов.

Таким образом, можно полагать, что в протоосетинском языке пополнение группы происходило не за счет количества колоронимов, а за счет повышения степени синкретизма изначально «зеленого» слова **цъæх*-: [зеленый] > [зеленый-синий] > [зеленый-синий-серый].

С большей вероятностью при развитии цветообозначения в языках появляются новые цветовые термины. Альтернативным путем является кумуляция цветовых сем в уже существующих словах, отсюда обилие *grue*-слов в различных языках. Так, в словаре языка пахлави фиксируются колоронимы, для передачи которых необходимо прибегать к композитным названиям, например, в английском или русском языках: *kaskenen blue-green* или сине-зеленый, *kabodgrey-blue* или серо-синий [9, 104; 116].

Синкретизм колоронима *цъæх*, даже в рамках синхронного подхода, неизбежно выводит обсуждение в русло диахронии, т.к. требует обращения к предыдущим этапам языкового развития. Однако относительно природы данного этапа также могут быть выдвинуты различные и взаимоисключающие гипотезы.

Согласно гипотезе В.И.Абаева, который последовательно проводит мысль о кавказской природе *цъæх*, оно является субстратным словом и

заимствованием в осетинский язык [10, 334]. В пользу такого подхода аргументом является наличие инициального смычно-гортанного согласного [с'], что является фонетическим маркером слов кавказского происхождения. В.И.Абаев также приводит примеры хроматизмов из аварского, табасаранского, грузинского, кабардинского языков.

Кроме того, ученый считает, что *цъæх* способствовало архаизации исконных слов с хроматическим значением, как, например, **xæŕ* «серый», или **æxsin* «темно-серый, темно-синий», которые оказываются вытеснены, или, как во втором случае, частично вытесненными, «позднейшим *с'æх* кавказского происхождения» [10, 176; 334; 11, 220].

Вытеснение двух колоронимов серого и также сравнение с семантикой кавказских слов свидетельствует о предпочтительности серого для *цъæх*, т.е., имея в лексической системе два «серых» колоронима, язык заимствует еще один, впоследствии теряет исконные.

Стало знаменитым положение об экстралингвистической природе лингвистического феномена колексификации цветовых сем, сформулированное В.И.Абаевым следующим образом: «совмещение в одном слове значений, для которых существовали разные слова, вызвано «хозяйственной неактуальностью» цветовых различий в условиях староосетинского быта» [10, 334].

В таком случае, если мы правильно интерпретируем задаваемый данной гипотезой вектор, присвоив значение «серый», «темно-серый», оно постепенно усваивает и присваивает значения «зеленый», «синий», «голубой», «сизый», т.е. имеет место вытеснение одной заимствованной лексемы нескольких исконных хроматических прилагательных.

Такой сценарий семантического развития оставляет без ответов целый ряд вопросов. Общеизвестно, что семантический объем слова в языке-доноре обычно шире, чем у его рефлекса в принимающем языке, и семантика слова при заимствовании более регулярно подвергается сужению.

Установленные параллели *цъæх* в кавказских языках свидетельствуют об обратном. Ни в одном из приводимых примеров не отмечено подобной синкретичности корня: в табасаранском *с'ух* – «серый»; более сложное цветовое значение в аварском *с'с'ахил* «серый» и «голубой». В кабардинском пара *с'ехи* и *с'хо*, являющихся, возможно, этимологическими дублетами, означают «синий, голубой» и «серый», соответственно. Достаточно специфическая семантика грузинского слова *с'ахи*, *с'ака* «сыворотка», которая перефразируется для иллюстрации идеосемантического развития как «серая жидкость» и сравнивается с осетинским *цъæх сылы* «сыворотка», дает основание полагать обратный вектор заимствования – из осетинского в грузинский.

Приводимое же В.И.Абаевым в словарной статье *цъæх* абхазское слово с сопоставимым цветовым синкретизмом является рефлексом другого корня. Таким образом, абхазское *а-ес'а*, которое также совмещает серый,

синий, зеленый цветные признаки в своей семантике, не может служить прототипической единицей осетинского корня.

Синкретичность гипотетического кавказского корня, таким образом, не может быть задана в языках-донорах и появляется уже после свершившегося заимствования в языке-реципиенте. Следовательно, *цъæх*, придя в осетинский язык как монохромный колороним, постепенно захватывает большую часть спектра и способствует архаизации исконных лексем и других цветов, не только серого. Проблема состоит в том, почему серый мог стать основным в цветосприятии, каковы были утерянные слова, могли ли бесследно исчезнуть термины основных хроматических цветов.

Кроме того, в соответствии с рассмотренными выше эволюционными моделями, *цъæх* попадает в язык с довольно развитой ЛСГ цветообозначения, в которой, по меньшей мере, уже два сосуществующих обозначения серого: «серый» и «темно-серый», т.е. в соответствии с расчетами Берлина-Кая не меньше десяти колоронимов. И, в таком случае, самым «хозяйственно актуальным» следует признать именно серый цвет.

Сравнение группы колоронимов отдельных языков свидетельствует о нестабильности и проницаемости границ группы цветообозначений.

Собственно гипотеза о заимствованном характере осетинского колоронима не противоречит многочисленным случаям ассимиляции аллохтонных колоронимов в лексической системе принимающего языка. Поле цветообозначений – динамичная, открытая система, в которой есть свои интернационализмы. Возможно, самым наглядным примером стремительной «кавалерийской» интернационализации следует признать колороним *хаки*, цветообозначение оттенка серого цвета униформы британской кавалерии. Отмечены даже случаи резаимствования, как например, с лексемой со значением «синий-голубой» в английском языке. Есть мнение, что корень **blue-* был усвоен романскими языками, а впоследствии снова попал в английский через французский язык.

Допускать аллохтонность осетинской лексики возможно, но следует учитывать данные различных языков, обратить внимание и на монгольскую лексику, передающую значение «голубого цвета»: *цэнхэр (tsenher)*.

Тем не менее, на наш взгляд, допущение, что на каком-то этапе *цъæх*, став колоронимом, (тем более, такого не-основного цвета, как серый) наращивает свою семантику за счет присвоения значений уже существовавших в языке обозначений основных цветов и вытесняет последние из системы, противоречит установленным схемам языкового развития и тенденциям к эволюционной детализации цветовой палитры языка. Учет данных закономерностей позволяет считать *цъæх* исконным словом, синкретичным в силу общих закономерностей развития, параллельно которому на разных этапах и в новых условиях появлялись новые колоронимы, в том числе, и заимствованные, некоторые со временем подверглись естественной архаизации.

В.И. Абаев, отдававший предпочтение теории о субстратности слова, допускал и сопоставление *цъæх* с иранскими корнями: «намечаются связи и на иранской почве: перс. *zağ* «синий» (*zağ-časm* «синеглазый») [10, 334]. В свете того, что первичным в семантике осетинского слова могло быть значение «зеленый», обращает на себя внимание и возможная параллель с пехлевийским *zargon* «зеленый» [9, 116]. Для ретроспекции слова *цъæх* важно изучение надежно этимологизируемых «зеленых» слов в различных языках, которые, например, в иранских и германских языках оказываются тесно связанными с идеей роста и развития. Так, в английском языке словосочетание *greengrass* «зеленая трава» состоит из двух рефлексов одного и того же корня * *ghre-* «расти», тогда как предложение «*The green grass grows*» содержит еще один рефлекс этого же корня: глагол *to grow* более этимологическим значением «расти», «произрастать», «вырастать».

Аберрация времени, сегодняшние представления о семантике цветообозначения не всегда позволяют нам правильно интерпретировать значение колоронима, который мог не быть «цветным» словом, мог быть носителем другой информации, более синкретичным словом; цвет денотата мог быть сложным или непостоянным. Так «голубь» не очень «голубой». Масть животных, вода, как эталоны цвета, изменчивы. Трава меняет цвет в течение годового цикла, да и заяц, как известно, «летом серый, зимой белый».

В свете этого, при описании семантики древних слов не всегда понятно, как оценивать степень вариативности цвета – оговаривать ли специально, что, скажем, рефлекс уже упоминавшегося корня **hasen-* передают: в осетинском «серый»; в пехлевийском «синий»; в авестийском *axšaēna-* «черный», «синий», или можно игнорировать данное обстоятельство, или надо учитывать это как пример детерминированной и утраченной со временем колексификации.

Примеров вторичного позднего синкретизма изначально монохромной единицы в уже сформированной системе на сегодняшний момент нами не зафиксировано, что, однако, не исключает принципиальной возможности такого развития для осетинского *цъæх*. Заметим, что примеры противонаправленного развития и тенденции к созданию монохромных лексем можно найти в развитии известных колоронимов во многих известных языках.

Так, прилагательное *синий* в «древнерусском языке обозначало больший, по сравнению с современным русским языком, отрезок цветового спектра, от черного цвета до голубоватого тона, и обладало самой развитой из всех основных прилагательных цвета структурой вторичных значений» [13]. Возможно, именно большая семантическая емкость предопределила и больший потенциал колоронима в процессах вторичной номинации, соответственно, интерпретировать цвет *синь пороха* или *синь-каменной* нужно именно через призму исторической семантики.

Менее определенной цветовой характеристикой обладало также германское обозначение синего/голубого цветов. Древнеисландское *blar* могло передавать цвета «синий, темно-синий, черный», его древнеанглийский когнат *bleo* мог быть и гипонимом для обозначения темных цветов, иметь значения «цвет, оттенок, внешний вид». Данные корни возводятся к индоевропейскому корню **bhlre-u/o-s-* «светлый, желтый, серый, голубой» [6, 14], комбинированность цветовой характеристики которого укладывается в рассуждения об изначальном синкретизме хроматизмов.

Семантическую проблему диахронического порядка представляет то, что при заимствовании или развитии протокорня происходит сдвиг в цветообозначении: латвийские слова *zaļš* «зеленый» и *zils* «синий» возводятся к протокорню **ghel-*, в таком случае они являются производными от названия желтого. А в языке лури белый осел и корова определяются словом, которое в современном языке означает «зеленый», но раньше имело значение «молодой, свежий, светлый» [2].

С учетом подобного сдвига и исходного синкретизма можно не удивляться количеству «зеленых ослов», «зеленых баранов» и синих волов в южных и юго-западных районах Ирана [2,473]. Если переводить приводимый для данных рассуждений иллюстративный материал на осетинский язык, то следует использовать прилагательное *цъæх*, т.к. это животные серой масти. Но важно, что для осетиноговорящего человека эти животные будут обладать черным цветом, т.к. их атрибутирует **saw* «черный»:

Eastern Bal.maī *sawze xar* 'my grey donkey' (Gilbertson 1925: 297), Luri *sawz* 'green, white (animal)' (Amanolahi-Thackston 1986 s.v.), Baxtiāri Čahārlang *xar sowwza* 'white donkey' (Sarлак 2002s.v.), Sangesari *sowze-xar id.* (Sotude 1986 s.v.), Dašttestani *xer-e sowz id.* (Borāzjāni 2003 s.v.), Davāni *xar-e sōz id.* (Salāmi 2002 s.v.), Jiroft-Kahnuj *sowzāk* 'ox of green colour' (Nafas Dehqāni 1998 s.v.) [2].

Подобные случаи несовпадения цветового значения рефлексов одного корня также многочисленны. Не всегда этимологически первичное значение может быть самым устойчивым, как в случае прото-кельтской формы, восстанавливаемой как **glasto-* с реконструируемым значением «зеленый» (green); однако во всех кельтских языках *glas* становится синкретичным и обозначает «зеленый», «синий», «серый» [12], со временем происходит специфическая цветовая специализация рефлексов корня в разных языках.

На наш взгляд, колексификация значений синего, зеленого и серого цветов в современном осетинском является реликтом древнего хроматического синкретизма и восходит к скифо-сарматскому периоду [12]. Подобная семантическая емкость и некоторые параллели в иранских языках позволяют ставить под сомнение его заимствованное происхождение. Сравнение с моделями эволюционного развития подтверждает, что процессы дифференциации и детализации цветовосприятия способствовали

распаду синкретичных комплексов, хотя во многих языках прослеживается сохранение подобных синкретичных лексем. По нашему мнению, это исконный синкретизм, т.к. предполагать приобретение заимствованной лексемой таксономических «прав» на столь широкий участок цветового спектра нет типологических оснований.

Круг этимонов данного корня неопределенно широк, и ретроспектировать его необходимо в терминах наиболее типичных алгоритмов этимологического развития.

1. Осетинско-русский словарь. В 4-х т. / Сост. Гуриев Т.А., Гутиева Э.Т. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2019. Том IV. (Буквы Т-Я). 758с.

2. Rossi A.V. Colours and lexical taxonomies: Linguistic and cultural categories in Iranian // Proceedings of the 5th Conference of the Societas Iranologica Europæa, ed. by A. Panaino & R. Zipoli, II: Classical and Contemporary Iranian Studies, Milano, 2006, pp.459–480.

3. Kay P., Muffy K. Color Appearance and the Emergence and Evolution of Basic Color Lexicons. *American Anthropologist*. 1999, vol. 101, no 4, pp.743–760.

4. Bullivant S., Ruse M. *The Oxford Handbook of Atheism*. OUP Oxford, 2013. 763p.

5. Berlin B., Kay P. *Basic Color Terms: Their Universality and Evolution*. Berkeley and Los Angeles. University of California Press, 1969. 178 p.

6. Biggam C.P. *Blue in Old English: An Interdisciplinary Semantic Study*. Series: Costerus New Series, vol. 110, 1997. 333 p.

7. Кожемякова Е.А. История формирования семантики прилагательных-цветообозначений в русском: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2001. 24 с.

8. Бесолова Е.Б., Балова И.М. Цветообозначения в традиционной культуре адыгов и осетин // *Известия СОИГСИ*. 2009. 3(42). С.157–170.

9. MacKenzie D.N. *A Concise Pahlavi Dictionary*. London, Oxford University Press. New York. Toronto. 1971. 236 p.

10. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л., 1958. Т. 1. 656 с.

11. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л., 1989. Т. 4. 325 с.

12. Гутиева Э.Т. Мог ли Бертилак быть скифом, сарматом // *Известия СОИГСИ*. 2015. Вып. 16 (55). С.85–95.

13. Ивахницкая А.Э. Основные прилагательные цвета в истории развития русского и английского языков. Саратов, 2001. 196 с.

14. Колесникова Т.И. Архаические представления о цвете в лингвоцве-

товой картине мира (на материале древнеанглийского и древнерусского языков) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. Вып. 107. С.150-159.

Gutieva, Elmira T. –V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Center of RAS;gutieva@list.ru

CHROMATIC SYNCRETISM IN THE OSSETIAN LANGUAGE

Keywords: *the Ossetian language, borrowing, etymology, chromatic syncretism, lexical-semantic group.*

Chromatic syncretism for the cold colors of the spectrum is noted in the semantics of the Ossetian adjective c'æx, in the modern language this syncretic word is lexicalized as «green», «light-blue», «dark-blue», «gray», and «glaucous». The accumulated empirical material and theoretical generalizations based on the analysis of the data from most of the world's known languages can give a new impetus for considering the evolution of the lexical-semantic group of color perception words in the Ossetian language, the method of etymological extrapolation may allow us to trace the most likely scenario for the development of the Ossetian lexeme. Traditionally, the adjective c'æx is considered a Caucasian contribution to the lexical system of the Ossetian language. The arguments for the Caucasian origin of the term are the quality of its initial consonant; several not systemic parallels from the languages of the neighboring peoples. However, the assumption that, at some stage, the color word designating a non-primary color increases its semantics by assigning the lexemes of the primary colors that existed in the language and displacing the latter from the system, contradicts the established patterns of the language development and trends towards evolutionary differentiation of the color palette of a language. The lack of precedents described in the literature for converting a loan into a syncretic chromatic lexeme in the host language, as well as some parallels in the related Iranian languages, make it possible to revise the retrospection of this Ossetian word and consider it an autochthonous unit. In this case, the inherent syncretism should be considered a relic of the ancient chromatic syncretism, which can be traced back to the Scythian-Sarmatian period of the language history. For a color word with a sufficiently wide color value and in the absence of systemic direct parallels in other Iranian languages, the search for etymon presents objective difficulties.

REFERENCES

1. *Osetinsko-russkiy slovar'. V 4-kh t.* [Ossetian-Russian dictionary in four volumes. In 4 vols]. Comp. Guriev T.A., Gutieva E.T. Vol. IV (Letters T-Ja). Vladikavkaz, CPI SOIGSI VSC RAS and RNO-A, 2019. 758 p.
2. Rossi, A.V. Colours and lexical taxonomies: Linguistic and cultural categories in Iranian. Proceedings of the 5th Conference of the Societas

Iranologica Europæa, ed. by A. Panaino & R. Zipoli, II: Classical and Contemporary Iranian Studies, Milano. 2006, pp. 459–480.

3. Kay, P., Muffy, K. Color Appearance and the Emergence and Evolution of Basic Color Lexicons. *American Anthropologist*. 1999, vol. 101, no. 4, pp. 743–760.

4. Bullivant, S., Ruse, M. *The Oxford Handbook of Atheism*. OUP Oxford, 2013. 763 p.

5. Berlin, B., Kay, P. *Basic Color Terms: Their Universality and Evolution*. Berkeley and Los Angeles. University of California Press, 1969. University of California Press. 1991. 178 p.

6. Biggam C. P. Blue in Old English. *An Interdisciplinary Semantic Study. Series, Costerus New Series*, vol. 110, 1997. 333 p.

7. Kozhemyakova E.A. *Istoriya formirovaniya semantiki prilagatel'nykh-tsvetooboznacheniy v russkom* [The history of the formation of semantics of adjectives-color designations in Russian]. Thesis abstract of the candidate dissertation (in Philology). Nizhny Novgorod, 2001. 24 p.

8. Besolova, Ye.B., Balova, I.M. *Tsvetooboznacheniya v traditsionnoy kul'ture adygov i osetin* [Color Designations in the Traditional Culture of the Adygs and the Ossetians]. *Izvestiya SOIGSI* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. 2009, iss. 3(42), pp. 157–170.

9. MacKenzie D.N. *A Concise Pahlavi Dictionary*. London, Oxford University Press. New York. Toronto, 1971. 236 p.

10. Abaev, V.I. *Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka* [Historical and etymological dictionary of the Ossetian language]. Moskva-Leningrad, Nauka, 1958, vol. 1. 656 p.

11. Abaev, V.I. *Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka* [Historical and etymological dictionary of the Ossetian language]. Leningrad, Nauka, 1989, vol. 4. 325 p.

12. Gutiyeva, E.T. *Mog li Bertilak byt' skifom, sarmatom* [Could Bertilak be a Scythian, Sarmatian]. *Izvestiya SOIGSI* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. 2015, iss 16(55), pp. 85–95.

13. Ivakhnitskaya, A.E. *Osnovnyye prilagatel'nyye tsveta v istorii razvitiya russkogo i angliyskogo yazykov* [The main adjective colors in the history of the development of the Russian and English languages]. Saratov, 2001. 196 p.

14. Kolesnikova, T. I. *Arkhaicheskiye predstavleniya o tsvete v lingvotsvetovoy kartine mira (na materiale drevneangliyskogo i drevnerusskogo yazykov)* [Archaic representations of color in the linguistic-color picture of the world (based on the material of Old English and Old Russian languages)]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* [Bulletin of the Russian State Pedagogical University. A.I. Herzen]. 2009, iss. 107, pp. 150–154.